

ФИЛОСОФИЯ И МУЗЫКА О ГАРМОНИЧНОСТИ СМЫСЛОВОЙ КОНСТИТУЭНТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИЗНЕТВОРЕНИЯ

Среди понятий и категорий философии и культуры нет более содержательных и сложных, одно- и многозначных, наиболее употребляемых и наименее теоретически исследованных, нежели категории жизни и гармонии. Вся история и структура социокультурного бытия кристаллизуется и конденсируются в данных категориях, превращая их содержательное поле в почти необозримое смысловое пространство, важнейшими среди которых, по нашему, мнению, есть логика и принципы устройства жизненного мира эпох, культур, индивидов, с их характерными особенностями, детерминацией становления и развития, положительностью (гармонией) или неупорядоченностью.

Так, для реального бытия и культуры современного человека характерна расколотость жизни и сознания, чувственного (природного) и духовного, культурного и индивидуального, творческого, коммуникативного и пр.; вследствие чего ему

приходится жить, как бы, в разных, иногда, противоположных мирах. Чтобы убедиться в различного рода диспропорциях, и дистанцированностях жизненных миров современного человека достаточно обратиться хотя бы к таким его оценкам как "жизнь стадной моралью" (Ф Ницше), жизненный мир как "железная клетка" и рутинная повседневность (М.Вебер), "колонизированный жизненный мир" (И.Хабермас) и др.

Гармоническую уравновешенность противоречивого противоположения жизненного мира человека может и должна, прежде всего, предложить философия, к чему, собственно, она всегда стремилась и стремиться, выстраивая, однако, чаще всего вопросы о смысле жизни в единую теоретическую систему с помощью "аподиктически очевидной методик и рационального, иерархически упорядоченного наукоучения" (Э.Гуссерль).

Кузницей такого мышления была Европа. Большинство европейских исследовательских программ социальных наук было ориентировано на осмысление общественно - духовного и культурного развития как зависимой переменной от определяющих цивилизационных (разумных), а не жизненных структур и форм существования и деятельности. В соответствии с нормами строгой научности эпицентром положительного (истинного) жизненного смысла конституировался рафинированный, исключительно гносеологически ориентированный мир, "очищенный" от бесконечно возможного пространства иных – внелогических форм его постижения.

Не случайно, поэтому в конце XX века, философия предпринимает усиленные попытки по - новому осмыслить и определить иные измерения этой вечной темы. Последнее десятилетие XX века отличается тем, что европейская философия в, содружестве с искусством, пытается "подчинить" технологический прогресс и технократическое мышление целям жизни культуры. То есть, определить смысловое пространство конституирования жизненного мира человека вне абсолютной детерминации его "технократической эволюцией" (Л.Уайт). Такое своеобразие взаимодействия, перекрещивания и переплетения философии и искусства в европейской культуре конца II

тысячелетия свидетельствует о стремлении постичь главный вопрос и ответ, истину и гуманизм как культурную гармонию, суть житнетворения как реализацию человеческой сущности (философия) и проявления жизненного мира в человеческом лике, облике (искусство, музыка).

Будучи целостным историческим формообразованием философия может быть таковой только благодаря объединению ("снятию") в себе способов практического жизнеосуществления как совокупного процесса развития человеческой культуры. Вырастая на почве человеческого житнетворения философия своеобразно воздействует на него. И каким образом преимущественно – интеллектуальным ли обогащением ума, то ли эстетическим наслаждением и удовольствием души, определить однозначно довольно сложно.

Мы – сторонники диалектики сущностной слитности и принципиальной неразделимости рационального и эмоционального, образного и абстрактного, мышления и творчества, их взаимодополнения и взаимообогащения, устремленности к их целостности (гармоничности). Поэтому, думается, что познание проблемы устройства жизненного мира будет более плодотворным в том случае, если принять во внимание все грани взаимодействия философии с теми бытийными формами духовной культуры, которые усилили бы эмоционально - ценностные аспекты миропостижения и мироприобщения человека, если исходить из признания гармонии как субстанциального принципа житнетворения.

Подтверждением нашим суждениям могут быть размышления, в которых жизнеустроительные духовные ориентиры современного человека рассматриваются как система бивалентностей "понятийного – непонятийного", "рационального – нерационального", "тождественного – нетождественного", "позитивного – негативного" [1]. В этих бивалентностях, фактически, отражено единство познавательного, эстетического и нравственного аспектов жизни во всех их переплетениях, переливах, взаимоотношениях, противоречивостях и совпадениях, устремленных, все же, к одной плоскости: гармонической

целостности. То есть, установки на научную рациональность как единственно верный способ житнетворения все чаще и чаще фокусируются в социокультурное поле, контекст (Т.Адорно, М.Хоркхаймер, В.С.Библер, И.А.Бондарчук и др.), что, в конечном счете, приобретает форму интерсубъективного жизненного мира, социума как бытия культуры и духовной атмосферы.

Таким образом, взгляд философии на человеческое житнетворение представлен не только в аспектах метафизическом или гносеологическом, но и экзистенциальном, выраженном в форме человеческой устремленности к “экстериоризации внутреннего, причем сущностного” [2, 93], означающего “видение” бытийной “целостности”, “переживание” бытия, удивление тем, что не укладывается в рамки обычного понимания, зачарованность, увлеченность непостижимым, неожиданно новый взгляд на вещи, открытость нетрадиционному, трансцендентному как способам проявления житнетворческой человеческой сущности. Такое житнеотношение “вновь и вновь прерывает бег мира и ход человеческих дел и ... защищает от разрушения” [3, 107], свидетельствует об одновременных постижимости и непостижимости, обыденности и трансцендентности, открытости “предельно - граничных” бытийных позитивностей (гармоничных форм) жизненного мира.

Поэтому, представляется, что современное философское познание человеческого житнетворения все больше и больше должно становиться такой рефлексией, которая содержит в себе метафору, иронию, антитезис, загадку, чудо, наконец, которые традиционно присущи искусству, как непонятному познанию и деятельности, не монолинейной логике разума, а логике гармонии, симфонии и полифонии, логике разнообразных ритмов, как ценностных смыслов бытия.

Именно с последними связано музыкальное искусство. Ведь музыка – в какой бы она ни была форме, будь то освященное традицией академическое искусство, или же, порвавший с ней, полный неожиданностей модерн, является выражением приращения, прибавления, репрезентации бытия [4, 305]. То есть, музыка не только отражение человеческого бытия, жизненного

мира в целом, она гармоническая конституэнта, созидающая его как реальность. Жизненный мир пронизан, опосредован жизненной культурой – идеями и образами, уникальными эмоционально - чувственными формами, навечно запечатляющими каждый миг человеческого бытия, рожденного конкретно - историческим временем.

Музыка более других искусств способна передавать само ощущение подлинной, непреходящей ценности человеческой жизни в постижении красоты, добра и истины, вечной жизни человеческого духа и могущества человеческих устремлений. Пробуждая человеческие чувства и человеческий разум, соединяя мудрость ума и мудрость сердца, музыка культивирует и развивает экзистенциально – прекрасное, правдивое, доброе. Ее красота – это успокаивающая доброта и укрепляющая истина, ее истина – это лицезрение красоты и наполненность добром, а ее добро – это прекрасный и правильный поступок.

Великая позитивная, жизнеутверждающая сила музыки заключается и в сочетании тех ее вечных жизненных смыслов, которые есть выражением непосредственности бытия человека, соединением сложности и простоты жизненного мира. Простейшая песенка есть символ огромного жизненного смысла, равно как сложнейшая драматическая коллизия обобщает и выражает его элементарные законы

В этом отношении “Сурок” Л.Бетховена или “Полонез” Глинки не проще и не понятнее любой симфонии В.А.Моцарта, П.Чайковского или Д.Шостаковича. Выраженные в музыке, сплав вечного и временного, общечеловеческого и индивидуального, прошедшего, настоящего и будущего, предельно сложного и абсолютно “простого”, “ясного”, – с одной стороны, – и ее способность “умиротворять” беспорядок и “организовывать порядок”, “восхищать” и “питать”, “согреть” и “воспламенить”, “украшать” и “увечивать” [5, 493], – с другой, – предстают универсальной формой миропостижения и мироприобщения. Кристаллизуя всеобщие мировоззренческие принципы и определяющие социокультурные детерминанты социального бытия, музыка, как и философия, является своеобразным

средоточием целе- и смыслообразных устремлений субъекта жизнетворения, “раскрытием подлинной человеческой сущности” (Я Фейербах).

Музыка – воплощение единого “мирового человека”, единой общечеловеческой души и сущности, единого образа, лика Человека, обобщающая душа ее творца – человечества. Трудно найти другую “антропоморфную реальность”, в которой бы столь же искренно и вдохновенно повествовалось о судьбах человеческого “Я”, начиная “от Гимна Человеку, как радостно изумленному и восхищенному миром, уникальному и возвышенному существу, бесконечно прекрасному и поразительному творению” самого себя, “до Реквиема, в котором слышны мотивы горького разочарования” [6, 10], однако, где даже самая глубокая трагедия звучит как оптимистическая нота, побуждающая искать новые пути и новые решения.

Тема человека и его взаимоотношений с миром и индивидуальным жизненным миром основная тема: “мировой музыкальной формы” (М.А.Смирнов). Очевидно поэтому “в ее звуках слышится и глубочайшее научение, и великое предупреждение. Музыка раскрывает каждому самого себя. Она – путь к себе. Музыка многое позволяет уяснить, оценить, взвесить” [7, 8]. Однако, добавим, она не только возвращает человека к самому себе, но и открывает ему собственно человеческий облик, “человеческий облик” вещей и явлений, выражает гармоническое единство человека и реального мира, природы, позволяет ему вернуться к его первоизданности.

Способствуя преодолению жизненного отчуждения человека, музыка раскрепощает его воображение и творческие способности, возвращает утраченный вкус к наслаждению и счастью созидания собственного жизненного мира, превращает жизнь в праздник. Она “вписывает” художественную практику, с ее свободой и творчеством, в повседневность жизненного мира, объединяет людей, утверждает гуманистические ценности в отношениях человека к миру, природе и самому себе.

Основанная на активном пробуждении человеческих эмоций, чувств и мыслей, музыка позволяет “модулировать” в

индивидуально – личностную “тональность” человеческого бытие, “где шансы безучастности и ленности сознания крайне малы” [8, 53]. Следовательно, она в наибольшей степени способствует воздействию на внутренний мир человека, противостоянию тенденции возрастающего его равнодушия к “живому движению человеческой чувственности” [9, 63], поскольку вызывает в нем ассоциации, облагораживающие уникальную экзистенцию непосредственного бытия как со-творения всечеловеческой жизненной культуры.

Наряду с философией, без которой попытки понимания баланса, равновесия (гармонии) жизненного мира и жизненной культуры весьма и весьма проблематичны, музыка имеет самое непосредственное отношение к “обеспечению” смыслового пространства человеческого житнетворения. Благодаря чувственным интенциям и музыкальному чувственному опыту создается возможность более (философски) заинтересованного толкования проблемы человеческого житнетворения и отражения его в духовном опыте как гармонии интеллектуального, этического и эстетического смыслов, обоснование нового, не тождественного с собой, неоднозначного типа рефлексии – “философской логики драматического действия” [9, 61].

Драме же необходимы персонажи - личности, воплощающие в себе кордоцентризм разума, высокий дух и “окультуренные” инстинкты, метафизические горизонты которых определяются стремлением к идеалу, творчеству и свободе в процессе житнетворения.

В музыке, как особо тонком феноменально - экзистенциальном корреляте жизни, человек отрефлектирован во множестве персонажей и ипостасей, способных не только сознать реально существующее, но и создавать “новые небеса” и “новую землю” (авангардное, модернистское искусство), свой личностный жизненный мир и его уникальность. выражая, тем самым, надежду на возможность бесконечно - возможного, обращение “с невозможным так, как если бы оно было возможным” (Гете). Однако музыка не есть сама философия как строгая абстрактно - теоретическая система смыслов, она есть акт философствования,

способствующий их поиску. Система же смыслов, как абстрактная форма выражения гармонии человеческого жизнетворения, касается как реального (сущего), так и возможного будущего на пути приближения должного (идеала жизненного мира) к его воплощению.

Таким образом, логика жизнетворения, представляемая философией и искусством, это и тождественность бытия и сознания, и разница “несовпадения возможного с существующим, и расхождения между целью деятельности и ее результатом” [10, 19 - 20]. Следуя именно такой логике, как системе смыслов, человек обретает относительную жизненную устойчивость, оптимизм и уверенность, судьба его перестает быть трагичной, он одухотворен, духовен и гармоничен [11, 120 - 122], он всеедин в своих трех стихиях: добродетельствующей, познающей, эстетической. Нас же интересовал философский поиск истины человеческого жизнетворения и его эстетический, “пластически - демонстрационно” выверенный, эквивалент.

Литература

1. Бондарчук І.А. Антропологічний зміст негативності в сучасній культурі // Філософсько - антропологічні читання 95. – Вип. 1. – К., 1996.
2. Хамітов Н.В. Проблема екзистенційної антропології // філософсько - антропологічні читання 98. – К., 1999.
3. Цит. по: Сафрански Р. Філософствовать – значит мочь начать. Хайдеггер начинающий // Вопросы философии – 1997. – №4.
4. Гадамер Х. - Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991.
5. Тард Г. Социальная логика. – СПб.: Социально - психологический центр, 1996.
6. Тельчарова Р.А. Введение в феноменологию музыки // Владимирский пед. ин-т им. П.И.Лебедева - Полянского АН СССР. Ин-т философии. – М., 1991.
7. Смирнов М.А. Эмоциональный мир музыки: Исследование – М.: Музыка, 1990.
8. Тельчарова Р.А. Цит. работа.
9. Бондарчук И.А. Цит. работа.
10. Яценко Й.И. Основной вопрос философии как теоретическая трансформация мировоззренческой проблемы “человек – мир человека” // Философия гуманизма. – К., 1987.

11. Для целей личности высоких: А.Тарковский о себе // Искусство кино. – 1992. – №4.